

Сказать: я тебя люблю –
это значит сказать: ты никогда
не умрешь.

Габриэль Марсель

Часть 1

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТРАСТИ

Марина с Алексеем сидели на крыльце, где чувствовался хоть какой-то ветерок. Только что отобедали, и все разбрелись кто куда: к полудню жара делалась совсем невыносимой и даже взрослые, выбрав местечко попрохладней, заваливались спать. «Кто-то едет к нам», — сказала Марина, не открывая глаз. Да ей и не надо было: Марина видела внутренним зрением, но всматриваться совсем не хотелось, так разморило после обеда.

— Анатолий, наверное. — Леший говорил медленно, лениво.

Он приехал полторы недели назад и все никак не мог отойти от московского чудовищного смога: горели торфяники, и город накрыло дымным облаком. Ползал, как вялая муха — все ему было жарко и душно, все мерещился запах гари. Марина тоже принималась и присматривалась — она давно ощущала разлитую в воздухе тревогу, у которой и правда был привкус дыма. А вчера она сама видела, как к реке пробежала лиса — худая, перепуганная, с опаленным хвостом. Марина сидела на берегу после купания, и лиса, увидев ее, замерла в сухой траве, тяжело поводя

Ощущения и атмосфера

впальыми боками. «Беги, беги, не бойся!» — сказала тихо Марина, и лиса молнией метнулась вниз к воде, там она долго пила, а потом поплыла на другой берег.

Вечером туда же, за реку, пролетела большая стая каких-то птиц. Может, надо уезжать? — подумала Марина, не зная, на что решиться. Лёшка говорил, в Москве ужасно. Дома, конечно, был кондиционер — но не держать же детей остаток лета в четырех стенах?

Они жили здесь первое лето — по-настоящему, «всем колхозом». А «колхоз» был большой. Во-первых, сами Злотниковы — Марина с Алексеем. И дети: подростки Муся и Ваня, малыши Сонечка и Санечка, прозванные Совятами. Бабушка Лариса, свекровь Марины, умерла полгода назад, именно поэтому они наконец и смогли приехать в деревню. Хотя Лариса Львовна в последнее время совсем сдала и почти никого не узнавала, после ее ухода образовалась такая страшная пустота, что Марине пришлось приложить много сил, утешая и Лёшку, и детей, и Ксению. Она сама порой ловила себя на мысли: «Надо зайти, посмотреть, как там бабушка». Бабушка все сидела, бывало, у окошка — Лёшка повесил кормушку, дети сыпали семечки, а Лариса Львовна любовалась прилетавшими синицами и воробьями. Она сильно похудела и поседела, Марина сама стригла ее машинкой: «Покороче, дочка, покороче, — просила бабушка. — Надоели эти космы-то, страсть». Домработница Ксения Викентьевна, прозванная Скороговоркой из-за сложного имени-отчества и давно уже ставшая членом семьи, связала Ларисе Львовне разных шапочек, и Марина, заглядывая в комнату и видя бабушку в очередном кружевном

чепчике, умилялась и целовала ее морщинистую щеку. Лёшка тяжело переживал смерть матери:

— Марин, а ведь я ее за всю жизнь ни разу не написал. Все думал — успеется. А теперь только по памяти...

Марина тоже чувствовала себя сиротой: после ухода Ларисы Львовны они с Лешим сразу стали самыми старшими в семье — не считая Скороговорки.

— Правда, странно, Марин? Вроде и так взрослые, уже и немолодые, а все словно дети, пока мама была жива.

— Да, не зря говорят: не то страшно, что мы взрослые, а то, что взрослые — это мы...

Входила в семью Злотниковых и Рита — дочь Лешего от первого брака. Он женился по залету, и ничего хорошего из этого союза не получилось. Когда Рите было три года, Алексей со Стеллой, первой женой, развелись. Случилось это после ее измены и чудовищного скандала, во время которого Лёшка узнал, что Рита ему не родная. Однажды маленькая Рита пару месяцев прожила у Злотниковых, пока ее мать налаживала отношения с биологическим отцом дочери, уехавшим в Америку. Расстались они со слезами: Марина переживала, предчувствуя, что девочке будет несладко в Америке с такой непутевой матерью, а Леший даже запил.

А шесть лет назад беременная Рита, которой не было еще и восемнадцати, неожиданно свалилась им на голову, наотрез отказавшись возвращаться к матери. Что им оставалось делать? Конечно, пригрели и Риту. Ее Лёстик родился через несколько месяцев

после Свят, и Марина стала малышу молочной матерью — да и не только молочной, потому что Рита избегала ребенка, рожденного ею неизвестно от кого. Взбалмошная, неорганизованная, самолюбивая, с кучей всевозможных комплексов, одинокая и несчастная Рита никак не могла найти общего языка ни с кем из семьи, а Муся с Ванькой ее откровенно невзлюбили. А ведь Рита была одаренной девушкой: глубоко чувствовала музыку, много читала и даже написала скандальный роман о собственной жизни, выставив в нем Марину главной злодейкой, разбившей их семью.

Лёсик в отличие от боевых Свят рос тихим и покладистым: никогда не плакал, покорно шел ко всем на руки и любил играть, обожая строить невероятные башни из кубиков. Он был необычным ребенком, и это отмечали все: маленький не по возрасту, очень серьезный, он так смотрел на всех своими удивительными светлыми глазами, что становилось не по себе, как будто этот младенец знал что-то такое, что было недоступно взрослым.

Вторым «кланом», жившим в деревне Екимово, были Свешниковы: бизнесмен Анатолий, его вторая жена — француженка Франсуаза, которую нежный муж любовно звал Фросей, и их маленький Савушка, почти ровесник Святкам и Лёсику. Когда-то Анатолий был женат на Валерии, необыкновенно красивой и загадочной женщине, наделенной удивительными способностями, которые унаследовала лишь Кира — старшая из их дочерей-близнецов. Она редко появлялась в семейном кругу, чему отец только радовался, устав разгрести последствия Кириных аванюр, иной

раз почти криминальных. Младшая Мила неожиданно для всех стала католичкой и приняла постриг, так что теперь пребывала в одном из итальянских монастырей под именем сестры Людовики.

Кроме родных дочерей у Анатолия была еще одна головная боль — Аркаша, сын второго мужа Валерии. Он тоже жил «отрезанным ломтем» — несколько лет назад он начал изменять Юлечке, беззаветно любящей жене, и чуть не свел ее в могилу. Почти одновременно в двух его семьях родились дети — сын любовницы и Юлечкин Илюша. Своевременная помощь Марины все расставила по своим местам, и теперь вполне оправившаяся после болезни и операции Юля стала лучшей подругой Марине, которую раньше недолюбливала — уж очень та была дружна с Валерией. А Валерию Юля всегда опасалась.

Марина же относилась к Валерии как к матери — ведь именно Валерия помогла ей справиться с внезапно открывшимся даром ясновидения: наладила «машинку», и колесики завертелись. Даже узнав горькую правду, Марина не изменила своего отношения: оказалось, что Валерия, галерейщица и меценатка, пригрела художника Злотникова и его жену, чтобы заряжаться от них энергией, которой ей самой не хватало. Алексей, вдохновленный своей Музой — Мариной, — написал необычайно сильную картину «Ангел Надежды», которая и была источником энергии для Валерии, выкупившей ее за огромные деньги на аукционе. Но потом случилось так, что энергетическая связь между Валерией и Алексеем оборвалась. Валерия умерла, и последствия ее ухода были катастрофиче-

Осужден и аттестован

скими для обоих семейств. Но постепенно все уравновесилось, и никакие тени прошлого не помешали Злотниковым и Свешниковым поселиться вместе в этой затерянной среди лесов деревушке.

Марина вместе с Совятами, Лёсиком и Скороговоркой жила здесь с начала мая, так же как Фрося с Савушкой и Юля с Илюшей, а мужчины курсировали между деревней и Москвой — у обоих там были дела. Рита в деревню страшно не хотела, но одну ее Лёшка категорически не оставлял в городе, поэтому она приехала вместе со всей остальной компанией — Митей, Мусей и Ванькой.

Единственным, кого еще ни разу не удалось заманить в деревню, был Стивен — Стёпик, Стёпочка, обожаемый обоими семействами. Валерия взяла Стёпика из дома малютки, а Марина, как только увидела, сразу и полюбила трогательного чернокожего малыша — между ними с самой первой встречи образовалась удивительная душевная связь. Марина никогда не забывала, как крошечный Стёпик обнял ее за шею и громко прошептал на ухо: «Я тебя люблю!» Марина иной раз недоумевала: зачем Валерия взяла Стёпика в дом? Она и дочерьми-то не сильно занималась, отдав их в руки гувернанток и домашних учителей, а уж мальчиком и подавно — ну, поиграет с ним немножко, и все. Как с экзотической зверушкой! Но потом Марина поняла, что в Стёпочке тоже есть доля той силы, которой одарены они с Валерией: он не умел читать мысли или воздействовать на людей, но был так чуток и доброжелателен, что любой, кто с ним общался, сразу попадал под его обаяние и заря-

жался позитивной энергией. «Неужели Валерия этим пользовалась?» — ужасалась Марина. После смерти Валерии Стёпик оказался никому не нужен, и Марина забрала его к себе в дом. Сейчас Стёпик, давно превратившийся в Стивена, стал превосходным джазовым пианистом — он жил отдельно и часто уезжал на гастроли.

Про деревню Екимово Алексею Злотникову рассказал отец Арсений, давний друг семьи — деревня находилась в его приходе. Когда-то он служил в Кологриве, там Злотниковы с ним и познакомились. Именно отец Арсений помог Марине окончательно разобраться в собственных мыслях, научил нести в мир любовь. Потом Марина помогла Арсению и его жене Наталье пережить глубокое личное горе, а Анатолий устроил перевод священника в Костромскую епархию. Теперь они и вовсе стали соседями — Арсений жил всего в каких-то семнадцати километрах от Екимова.

А Леший, лишь только увидел необыкновенный дом, украшенный деревянной резьбой, загорелся так, что и Анатолия травил. Свешников тут же скупил все, что там продавалось, и затеялся, как выражался Лёшка, строить социализм в одной отдельно взятой деревне — благо денег у него было немерено, на любой «социализм» хватит. Первые два года Анатолий с Лешим, наняв бригаду таджиков, азартно ломали, строили и перестраивали. Пробурили артезианскую скважину, поставили водонапорную башню — огромный металлический бак привез заказанный Анатолием вертолет. Лёшка устроил себе столярку и самозабвенно возился там целыми днями, вырезая недостающие

Осужден и аттестован

наличники и балясинки к своему терему. В придачу к русской бане завели сауну, мечтали еще отремонтировать дорогу и наладить электролинию, так что местные только дивовались.

Впрочем, местных было раз, два и обчелся, и всё старики: голубоглазый Семен Семеныч, матерщинник и выдумщик, бабка Марфа, сестры Маша-Клаша, а еще бывшая учительница местной школы, одинокая старая дева с диковинным именем Иллария — Иллария Кирилловна! «Как раз в пару вашей Ксении Викентьевне, — посмеиваясь, говорил Анатолий. — Еще одна Скороговорка!» И точно — они даже похожи были, как настоящие сестры, в отличие от Маши-Клаши: Маша маленькая и чернявая, а Клаша — высокая и громогласная. «Ну, гренадер!» — смеялся Семеныч, а та обижалась. Маша-Клаша быстренько продали Анатолию свой дом и уехали к Клашиной дочери в Ярославль, а остальные остались. Илларию Толя тут же приспособил в помощницы к Фросе, Семеныч стал чем-то вроде сторожа, а почти девяностолетняя бабка Марфа — она уже не вставала, и за ней ухаживала та же Иллария, — была просто кладезем всех местных преданий и легенд, большинство из которых, как считал скептически настроенный Семеныч, сама же и сочинила.

Место было действительно замечательное — за спиной у деревни сосновый бор, впереди река. Рыбалка, грибы-ягоды, воздух, парное молоко — Семеныч держал коз. «Рай, ну чисто рай!» — вздыхал Лёшка. А Толя никак не мог уgomониться и все этот рай совершенствовал: то затеется пристраивать к своему

дому террасу, то купит трактор, то придумает какие-то невиданные парники, то загорится идеей завести солнечные батареи на крыше. А в это невыносимо жаркое лето он поставил два бассейна — большой и маленький лягушатник, благо воды хватало. Но за день вода в бассейнах нагревалась чуть не до кипятка, поэтому бегали на речку, где било много ключей.

Жили они действительно каким-то колхозом. Сначала еще пытались каждый вести свое отдельное хозяйство, но это оказалось утомительно, и скоро сообразили сделать летнюю кухню и поставить под навесом длинный стол с лавками. Готовили по очереди, и дети чуть не дрались за право ударить в большой медный гонг, привезенный Толей из Африки, — чтобы созвать народ к обеду или ужину. Потом образовалось что-то вроде детского сада для самых мелких, за которыми тоже присматривали по очереди.

Свешниковы поселились в своем еще не совсем отделанном доме, а в купленной у Маши-Клаши избе устроилась Юлечка с мальчишками. В резном тереме жили Злотниковы, Ксения Викентьевна и Рита с Лёшиком — комнат хватало, и Лёшка то и дело распевал, увидев Мусю, выглядывающую из верхней башенки: «Живет моя отрада в высоком терему!» А Марина просто не знала, что делать с Лёшкиной «отрадой» — с Мусей. Они с Ванькой поменялись местами: бывший «вождь краснокожих» стал спокойным и рассудительным подростком — к Мусе он относился слегка снисходительно, словно она была его младшей, а не старшей сестрой. Совершенно неожиданно Ванька вдруг подружился с Анатолием и ходил за ним хвостом.

Осужден и аттестован